

- [свт. Иоанн Златоуст](#)№13;
    - [Беседа 1](#)
    - [Беседа 2](#)
    - [Беседа 3](#)
  - [Примечания](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
-
-

Введение

Беседа [1](#) [2](#) [3](#)

*Предисловие*¹

Прежде всего, нужно сказать о поводе к написанию этого послания, а потом и о других вопросах. Какой же был повод? Некто Филимон, один из почтенных и благородных мужей, – а что он был муж почтенный, это видно из того, что весь дом его был верным и настолько верным, что называется даже церковью, как говорит (Павел), когда пишет: «и домашней твоей церкви!» ([Флм. 1:2](#)), также свидетельствует о великом его послушании и о том, что им «успокоены сердца святых» ([Флм. 1:7](#)), и заповедует в том же послании приготовить для себя гостинницу ([Флм. 1:22](#)), так как дом его, кажется мне, был пристанищем для всех святых, – этот почтенный муж имел раба Онисима. Онисим, украв что-то у господина своего, убежал; а что он действительно украл, о том, послушай, как говорит (Павел): «Если же он чем обидел тебя, или должен,.. я заплачу» ([Флм. 1:18, 19](#)). Потом, придя к Павлу в Рим, найдя его в темнице и будучи оглашен от него учением, он принял там крещение; а что он принял там дар крещения, видно из слов: «которого родил я в узах моих» ([Флм. 1:10](#)). Поэтому Павел пишет послание, в котором препоручает его господину, чтобы тот во всем простил его и принял, как уже возрожденного.

Некоторые говорят, что не нужно присоединять это послание (к

канону священных книг), так как оно касается маловажного дела, только одного человека; но пусть узнают высказывающие такое неодобрение, что сами они достойны многих укоризн. Не только такие малые послания и написанные о таких обыкновенных предметах следовало принять (в канон); но желательно, чтобы кто-нибудь в состоянии был рассказать нам полную, историю апостолов, чтобы не только, о том, что они писали и говорили, но и о прочем их образе жизни, что они ели и когда ели, когда сидели и куда ходили, что делали каждый день, в каких странах бывали, в какой дом входили и где плавали, обо всем этом рассказал бы подробно, – такой великой пользы исполнено все, что они делали! Но многие не знают происходящей отсюда пользы, и потому высказывают неодобрение. Если мы, взирая только на места, где они сидели, или были связаны, на места бездушные, часто обращаемся к ним мыслью, представляем их добродетели, пробуждаемся от своей беспечности и становимся более ревностными, то тем более было бы так, если бы мы слышали их слова и другие их деяния. Если о друге всякий спрашивает, где он живет, что делает, куда идет, то неужели, скажи мне, нам не следует знать все это о всеобщих учителях вселенной? Кто живет духовно, того и одежда, и походка, и слова, и дела, вообще все приносит пользу слушающим, и никакого не встречается к тому препятствия и затруднения. Впрочем, вам полезно узнать, что это послание касается предметов необходимых. Смотри же, сколько доброго в нем заключается. Во-первых (мы научаемся), что нужно быть внимательным ко всему, потому что если Павел показывает столько заботливости о беглеце, разбойнике и воре, не отказывается и не стыдится отсылать его с такими похвалами, то тем более нам не следует быть небрежными в подобных случаях. Во-вторых, что не нужно считать сословие рабов отверженным, хотя бы дошли они до крайней степени зла, потому что если вор и беглец сделался настолько добродетельным, что Павел желал иметь с ним общение и писал: «дабы он вместо тебя послужил мне» ([Флм. 1:13](#)), то тем более не следует отчаиваться в людях свободных. В-третьих, что не нужно рабов отнимать от господ, потому что если Павел, будучи так уверен в благорасположении к нему Филимона, не хотел без воли господина удержать при себе Онисима, который был так нужен и полезен ему, то тем более не должны делать этого мы. Если раб – человек добродетельный, то он тем более должен оставаться в услужении и почитать власть господина, чтобы приносить пользу всем находящимся в доме. Для чего же снимать свечу со светильника «и ставить ее под сосудом» ([Мф.5:15](#))? О, если бы и тех, которые находятся вне, можно было ввести внутрь города! Но что,

скажешь, если он и тогда окажется негодным? Почему же, скажи мне? Потому ли, что он войдет в город? Но подумай, что, находясь вне, он будет еще хуже; если он, находясь внутри, окажется негодным, то тем более (будет таким), находясь вне; здесь, при попечительном господине, он будет свободен от неизбежных забот, а там эти заботы, может быть, отвлекут его от предметов более необходимых и духовных. Потому блаженный Павел и дает (рабам) такой прекрасный совет: «Рабом ли, – говорит, – ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся» ([1 Кор.7:21](#)), т. е. оставайся в рабстве. А необходимее всего то, чтобы не было хулимо слово Божие, как и сам он говорит в послании: «Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божие и учение» ([1 Тим.6:1](#)). Даже и язычники скажут, что и раб может угодить Богу; иначе многие были бы поставлены в необходимость хулить и говорить, что христианство ниспровергает весь порядок жизни, отнимая рабов у господ и делая насилие. Сказать ли и еще нечто? (Это послание) научает нас не стыдиться рабов, если они добродетельны; если Павел, превосходнейший из всех людей, так отзывался о нем (Онисиме), то тем более мы должны (так поступать) со своими (рабами). После таких достоинств, хотя мы еще не все сказали, ужели кто-нибудь станет думать, что это послание напрасно включено (в канон)? Не будет ли это крайним безумием? Итак, прошу вас, выслушаем со вниманием послание, написанное апостолом; уже получив от него столько пользы, мы получим еще больше при последовательном чтении.

**свт. Иоанн Златоуст**

Толкование на послание к Филимону

Беседа 1

[Флм. 1:1–3](#). Павел, узник Иисуса Христа, и Тимофей брат, Филимону возлюбленному и сотруднику нашему, и Апфии, (сестре) возлюбленной, и Архиппу, сподвижнику нашему, и домашней твоей церкви: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

О милосердии и сострадании. – Некоторые обращают больше внимание на людей, нежели на Бога.

1. Это написано о рабе к господину. С самого начала (апостол) научает его не надмеваться и не стыдиться, укрощает его гнев, называя себя самого узником, смиряет и успокаивает его, внушая, что все настоящее ничтожно. И действительно, если узы за Христа – не стыд, а слава, то тем более не постыдно рабство. Он говорит это не с тем, чтобы превознести себя, но чтобы сделать полезное и внушить доверие к словам своим, – не для себя, но для того, чтобы скорее испросить милость (другому). Он как бы так говорит: для вас я обложен этими узами, подобно как говорит он и в других местах ([Ефес.3:1; 2 Тим.2:9](#)), впрочем, там выражая свое попечение, а здесь достоверность. Для него нет выше похвалы, как называться страдальцем Христовым: «я, – говорит, – ношу язвы Господа Иисуса» ([Гал.6:17](#)). «Узник Иисуса Христа», потому что он связан был за Него. Слыша об узах Христовых, кто не устыдился бы, кто не преклонился бы, кто не отдал бы самой души своей, а не только одного раба? «И Тимофей брат»: присоединяет к себе и другого, чтобы (Филимон), слыша просьбу от многих, скорее склонился и оказал милость. «Филимону возлюбленному и сотруднику нашему». Если он возлюбленный, то надежда на него не есть дерзость или безрассудство, но знак великой дружбы; если он споспешник, то не только должен принимать такие просьбы, но и благодарить за них, так как чрез это он делает добро и себе самому, устроая одно и то же дело. Таким образом, и без просьбы ты имеешь, говорит, еще другое побуждение оказать милость: если он полезен для евангелия, а ты обнаруживаешь усердие к евангелию, то тебе нужно не ожидать просьбы, а самому просить.

«И Апфии возлюбленной». Она, кажется мне, была супругою Филимона. Посмотри на смирение Павла: он и Тимофея в своей просьбе присоединяет к себе, и просит не одного мужа, но и жену, и еще иного, вероятно, друга: «и Архиппу, – говорит, – сподвижнику нашему». Он не приказанием хочет достигнуть этого и не обнаруживает негодования, если

Филимон не тотчас послушается его повеления, но поступает как бы человек неизвестный, располагая и их сделать то же и подкрепить его просьбу, – потому что не только просьба от многих, но и просьба, обращенная ко многим, способствует к получению просимого. «И Архиппу, сподвижнику нашему». Если ты сподвижник, то должен принять участие и здесь. Это тот самый Архипп, о котором в послании к Колоссянам говорит: «Скажите Архиппу: смотри, чтобы тебе исполнить служение, которое ты принял в Господе» ([Кол.4:17](#)). Мне кажется, что он был в числе клира; потому (апостол) и к нему обращает просьбу и называешь его сподвижником, чтобы всячески содействовать (достижению). «И домашней своей церкви». Здесь он не опустил из виду и рабов, потому что знал, что часто и речи рабов могут убедить господина, особенно когда просьба касается раба; при том, может быть, они особенно и возбудили гнев господина. Поэтому, не желая, чтобы они впали в зависть, он и их почтил приветствием вместе с господами. Впрочем, не подал и господину повода оскорбляться. Если бы он назвал (рабов) по имени, то, может быть, тот оскорбился бы; а если бы вовсе не упомянул о них, то остался бы недоволен; потому, смотри, как мудро, упомянув (о рабах), и их почтил своим воспоминанием, и его не раздражил. А название «Церкви» не допускает господам оскорбляться, когда они поставляются вместе с рабами. Подлинно, Церковь не знает различия между господином и рабом; она различает того и другого по добродетелям и порокам. Итак, если (дом твой) есть Церковь, то не оскорбляйся, что раб поставляется вместе с тобою: «во Христе Иисусе нет раба, ни свободного» ([Гал.3:28](#)).

«Благодать вам и мир». Напомнив о благодати, (апостол) приводит ему на память собственные его грехи. Подумай, говорит, как много грехов простил тебе Бог, как ты спасен благодатью, и подражай Владыке. Испрашивает ему мира; и справедливо, потому что мир бывает тогда, когда мы подражаем Ему, когда благодать пребывает с нами. Так и тот раб, который оказался немилосердным к подобному себе рабу, пока не требовал от него ста динариев, дотоле пользовался милостью господина; а когда стал требовать, тогда был лишен ее и предан мучителям ([Мф.18:34](#)).

2. Представляя это, будем и мы милосерды и сострадательны к согрешающим против нас. Сто динариев означают здесь грехи (других) в отношении к нам, а наши грехи в отношении к Богу – тысячи талантов. Вы знаете, что грехи против кого-нибудь судятся и по достоинству лиц. Например: оскорбивший частного человека согрешил, но не так, как оскорбивший начальника; более согрешил оскорбивший высшего начальника, а менее – оскорбивший низшего, но гораздо более

оскорбивший царя. Хотя оскорбление одно и то же, но от превосходства лица оно становится больше. Если же оскорбляющий царя получает тяжкое наказание, по достоинству лица оскорбляемого, то сколькими талантами будет должен оскорбляющий Бога? Хотя бы грехи наши против Бога были те же самые, какие и против людей, но они не одинаковы; а сколько различия между Богом и человеком, столько же между теми и другими грехами. Впрочем, я нахожу много и таких грехов, которые бывают великими не только от превосходства лица, но и сами по себе. Страшны слова, которые я намереваюсь сказать, поистине страшны, но сказать их необходимо, чтобы, хотя таким образом тронуть и пробудить нашу душу, показав, что мы гораздо больше боимся людей, нежели Бога, и больше почитаем людей, нежели Бога. Вот смотри: прелюбодей знает, что Бог видит его, – и презирает Бога; а когда смотрит на него человек, то он удерживает свою похоть. Он не только предпочитает людей Богу, не только оскорбляет Бога, но, – что гораздо тяжелее, – боясь людей, презирает Бога, так как, если он видит людей, то удерживает пламень похоти. Впрочем, какой пламень? Это – не пламень, а бесчестие; если бы не было позволено иметь жену, то действительно это был бы пламень, а теперь это – бесчестие и разврат. Таким образом, если он видит людей, то укрощает свое бешенство, а о Божием долготерпении думает меньше всего. Другой, украв, сознает, что он похищает чужое, и старается обмануть людей, оправдывается против обвиняющих его и придает вид (правды) своему оправданию; а о Боге, Которого обмануть невозможно, не беспокоится, не стыдится и не почитает. Когда царь прикажет не брать чужого имущества, или даже отдать свое собственное, то мы все с готовностью приносим; а когда Бог повелевает не похищать и не брать чужого, то мы не повинuemся. Видишь, как мы предпочитаем людей Богу? Тяжелы и горьки эти слова; но докажете, что они тяжелы, воздержитесь от самого дела. Если же вы не боитесь самого дела, то как я могу поверить вам, когда вы говорите, что страшитесь наших слов и чувствуете их тяжесть? Вы сами себя обременяете своими делами, и нисколько не заботитесь; а когда я говорю о тех делах, которые вы делаете, то негодуете. Не безумно ли это? О, если бы ложно было сказанное мною! Я желал бы лучше сам быть обвиненным во лжи в тот (страшный) день, как укорявший вас несправедливо и напрасно, нежели видеть вас осужденными за это. Но вы не только сами предпочитаете людей Богу, а принуждаете к тому и других. Многие делали принуждение многим рабам и детям: одни заставляли их вступать в брак против воли, другие – служить своим постыдным желанием, нечистой любви, хищничеству, любостыжанию, насилиям, так что вдвойне виновны

и не могут оправдываться какою-нибудь необходимостью. В самом деле, если ты не можешь представить достаточного оправдания и тогда, когда делаешь зло невольно, по приказанию начальника, то грех бывает гораздо тяжелее, когда ты принуждаешь к тому и других. Какое может быть оправдание для такого человека? Говорю это не для того, чтобы осуждать вас, но чтобы показать, какие мы должники пред Богом. Если, почитая человека наравне с Богом, мы оскорбляем Бога, то гораздо более оскорбляем Его, когда людей предпочитаем Ему. Таким образом, если те же самые грехи, которые делаем мы против людей, бывают гораздо тяжелее, когда они относятся к Богу, то не гораздо ли хуже, когда грех и по свойству своему больше и тяжелее? Пусть испытает каждый самого себя, – и увидит, что для людей он делает все. Мы весьма блаженны были бы, если бы для Бога делали столько же, сколько делаем для людей из тщеславия, страха, или уважения. Итак, если мы сами виновны в столь многих грехах, то должны со всею готовностью прощать оскорбляющих и обманывающих нас, и не помнить зла. Для того, чтобы простить грехи, не нужно ни трудов, ни издержек и ничего другого, а нужно одно только желание; не нужно ни предпринимать путешествия, ни отправляться в чужие страны, ни подвергаться опасностям и трудам, а нужно только захотеть.

3. Какое, скажи мне, мы получим прощение за неисполнение дел, кажущихся трудными, когда не исполняем и дела легкого, столь полезного и плодотворного и не требующего никакого труда? Ты не можешь пренебречь богатства? Не можешь раздать имения нуждающимся? Но разве ты не можешь пожелать ничего доброго? Разве не можешь простить оскорбившему? Если бы ты сам и не был виновен в столь многих (грехах) и только получил бы от Бога повеление – прощать других, то не должен ли ты был бы (исполнять это)? Как же теперь, будучи сам виновен в столь многих (грехах), ты не прощаешь другим, при том зная, что Он требует от тебя того же, что ты получаешь от Него? Когда мы приходим к своему должнику, он, помня свой долг, услужливо и с честью принимает нас и всячески оказывает нам свое радушие, еще не получая от нас прощения долга, а только желая сделать нас снисходительными в требовании: как же ты, будучи столь великим должником пред Богом и получив от Него повеление – прощать, с тем, чтобы и самому получить прощение, не прощаешь? Почему так, спрашиваю тебя? Увы, какое человеколюбие оказывается нам, и какую оказываем мы злобу, какую сонливость, какую беспечность! Как легка и многополезна добродетель, и как тяжело зло! Но мы, оставляя легкое, избираем то, что тяжелее олова. Здесь не нужно ни силы телесной, ни богатства, ни денег, ни власти, ни дружбы и ничего

другого, а довольно одного желания, – и все будет сделано. Оскорбил ли тебя кто-нибудь, обидел, осмеял? Вспомни, что и сам ты делаешь много подобного в отношении к другим, даже в отношении к самому Владыке, – и прости и извини его. Вспомни, что ты сам говоришь: «прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» ([Мф.6:12](#)); подумай, что, если ты не прощаешь (другим), то не можешь с дерзновением говорить это; а если прощаешь, то как бы требуешь должного, хотя не по существу самого дела, а по человеколюбию Дарующего (нам прощение). Да и как можно равнять прощаемое нами подобным нам рабам с грехами против Владыки, в которых мы получаем от Него прощение? Мы удостоиваемся такого человеколюбия Его потому, что Он богат милостью и щедротами.

Впрочем, я докажу тебе, что и без этого, и без прощения грехов твоих, от одного прощения (другим) ты получаешь пользу. Представь, сколько такой человек имеет друзей, как везде и все превозносят его и говорят: он человек добрый, примирительный; незлопамятный; как скоро получает обиду, тотчас же и забывает ее. Если такой человек подвергнется какому-нибудь несчастью, то кто не пожалеет его? Кто не извинит его, если он погрешит в чем-нибудь? Кто не сделает ему одолжения, если он станет просить о чем-нибудь за других? Кто не захочет быть другом и даже рабом такой доброй души? Так, увещаваю, будем для этого делать все, не только в отношении к друзьям и родным, но и к слугам: «умеряя, – говорит (апостол), – строгость, зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь» ([Еф.6:9](#)). Если мы будем отпускать ближним согрешения, то отпустится и нам; также – если будем творить милостыню, если будем смиренны, потому что и это служит к отпущению грехов. Мытарь сказал только: «будь милостив ко мне грешнику» и вышел оправданным ([Лук.18:13](#)); тем более мы можем сподобиться великого человеколюбия (Божия), если будем смиренны и сокрушенны сердцем; и если мы будем исповедовать грехи свои и осуждать самих себя, то очистим множество нечистот, потому что много путей к очищению. Итак, будем всеми средствами бороться с диаволом. Я не сказал ничего трудного, ничего неприятного; прости оскорбившему, подай милостыню нуждающемуся, смири свою душу, – и, хотя бы ты был величайшим грешником, ты можешь достигнуть царствия (небесного), очищая таким образом грехи и омывая нечистоты. Да сподобимся же все мы, очистившись здесь от всякой нечистоты греховной исповеданием, получить там обещанные блага, во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу слава, держава (честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Беседа 2

[Флм. 1:4–6](#). Благодарю Бога моего, всегда вспоминая о тебе в молитвах моих, слыша о твоей любви и вере, которую имеешь к Господу Иисусу и ко всем святым, дабы общение веры твоей оказалось деятельным в познании всякого у вас добра во Христе Иисусе.

Господа не должны быть слишком взыскательными к слугам. – Побуждение к любви мы должны находить для себя в любви Христовой.

1. Не вдруг и не в самом начале послания просит (Филимона) о милости, но сначала, выразив удивление к этому мужу и похвалив его за добродетели, представив немаловажное доказательство и своей любви к нему в том, что всегда вспоминает о нем в молитвах своих, и сказав, что многие находят у него покой и ко всем он оказывает кротость и веру, потом наконец (апостол) и начинает речь, и таким образом с особенною силою убеждает его. Действительно, если другие получают от него то, чего просят, то тем более (должен получить) Павел; если, пришедши прежде других, он достоин был бы получить, то тем более после других, и при том прося не для себя, а для другого. Далее, чтобы не показалось, что он пишет только поэтому, и чтобы кто-нибудь не сказал: если бы не было Онисима, то ты и не написал бы этого послания, – смотри, как он приводит и другие причины к написанию послания: во-первых, указывает на его любовь, а во-вторых, повелевает приготовить для себя гостиницу.

«Слыша, – говорит, – о любви твоей». Это достойно удивления и значит больше, нежели если бы он лично видел (эту любовь). Видно, она была чрезвычайно велика, если сделалась известною и достигла до его слуха, хотя расстояние между Римом и Фригиею было не малое, – а (Филимон) там находился, как я заключаю по имени Архиппа (упоминаемого здесь и в послании к Колоссянам). Колоссяне жили во Фригии, и в послании к ним (Павел) говорил: «Когда это послание прочитано будет у вас, то распорядитесь, чтобы оно было прочитано и в Лаодикийской церкви; а то, которое из Лаодикии, прочитайте и вы» ([Кол.4:16](#)). Лаокидия же – фригийский город. Молось, говорит, «дабы общение веры твоей оказалось деятельным» ([Флм.1:6](#)). Видишь, как он сам дает раньше, чем получает, и прежде, нежели испрашивает милость, предлагает ему от себя гораздо большее?

«Дабы общение веры твоей, – говорит, – оказалось деятельным в познании всякого у вас добра во Христе Иисусе», т. е., чтобы ты достиг

всякой добродетели, чтобы у тебя не было никакого недостатка. Вера бывает действительно тогда, когда сопровождается делами, потому что «вера без дел мертва» ([Иак.2:26](#)). Не сказал: вера твоя, но: «общение веры твоей», соединяя его с собою и внушая, что они – одно тело, и тем с особенною силою убеждая его. Если ты, говорит, сообщник мой в вере, то должен быть сообщником и в другом. «Ибо мы имеем великую радость и утешение в любви твоей, потому что тобою, брат, успокоены сердца святых» ([Флм.1:7](#)). Ничто так не убеждает, как указание на благодеяния, сделанные другим, особенно если (просящий) почтеннее их. Впрочем, он не сказал: если ты делаешь для других, то тем более – для меня; но, выразив то же самое, употребил другой оборот речи, более кроткий. «Ибо мы имеем великую радость», т. е., ты дал мне дерзновение теми (благодеяниями), какие оказываешь другим. «И утешение», т. е., мы не только радуемся, но и утешаемся, потому что они – наши члены. Если же должно быть такое согласие, что находящиеся в скорбях, хотя бы сами ничего не получали, должны радоваться, видя успокоение других, так как благодетельствовано одно тело, то тем более (мы будем радоваться), если ты успокоишь и нас. Не сказал: ты кроток, ты уступчив; но говорит сильнее и выразительнее: «сердца святых», как бы обращаясь к сыну, дорогому и возлюбленному для родителей. Такая любовь и привязанность доказывает, что (Филимон) был весьма любим ими. «Посему, имея великое во Христе дерзновение приказывать тебе, что должно» ([Флм.1:8](#)). Смотри, как он остерегается, чтобы и сказанное от сильной любви не поразило слушателя и не оскорбило его. Потому прежде, нежели сказал: «приказывать тебе», – а такое выражение было резко, хотя, сказанное от любви, весьма легко могло достигнуть цели, – он из осторожности делает оговорку: «имея дерзновение», и этим показывает, что Филимон был муж великий, т. е. (как бы говорит): ты сам дал нам дерзновение; при том прибавляет: «во Христе», и этим показывает, что он говорит так не за его знатность или силу в мире, но за веру во Христа; а потом уже присовокупляет: «приказывать тебе», и не только это, но еще: «что должно», т. е. справедливое дело. Смотри, сколькими доводами он убеждает: ты оказываешь, говорит, благодеяния другим, окажи и мне, притом ради Христа, и потому, что это дело справедливо, и потому, что этого требует любовь. Поэтому и продолжает: «по любви лучше прошу» ([Флм.1:9](#)). Он как бы так говорит: из бывших примеров я знаю, что, и повелевая с великою властью, я получу успех; но так как я особенно забочусь об этом деле, то «молю». Здесь он вместе выражает и то и другое: и то, что надеется на него, – почему и «приказывает», – и то, что особенно

заботится об этом деле, – почему и «молит». «Не иной кто, – говорит, – как я, Павел старец».

2. О, сколько убедительных доказательств! «Павел», – это доказательство от достоинства лица; «старец», – от возраста; «узник Иисуса Христа», – от того, что он праведнее всех. Кто не принял бы с распростертыми объятиями работоржца, увенчанного за подвиги? Кто, видя связанного за Христа, не оказал бы ему тысячи услуг? Смягчив таким образом душу, (Филимона), апостол не вдруг объявляет имя раба, но после такой просьбы еще медлит. Вы знаете, как велик бывает гнев господ на убежавших рабов, особенно если это сделано с покражею, как сильно раздражаются они, хотя бы были добрыми господами. Потому старается смягчить его всеми доводами; и когда наперед возбудил в нем готовность сделать все, что бы ни было, и приготовил душу его ко всякому послушанию, тогда уже и высказывает свою просьбу: «прошу тебя, – говорит, и при том с похвалами, – о сыне моем, которого родил я в узах моих» ([Флм.1:10](#)). Опять для убеждения – узы; и, наконец, называет самое имя (Онисима). Таким образом, не только укрощает гнев, но и возбуждает чувство благорасположения: я, говорит, не назвал бы его сыном, если бы он не был весьма благонадежным. Как я назвал Тимофея, так (называю) и его. И часто, для выражения своей любви, он указывает на время рождения: «которого родил я, – говорит, – в узах моих». Он значит достоин великой чести и потому, что рожден среди самых подвигов, среди искушений за Христа. «Онисима, он был некогда негоден для тебя» ([Флм.1:11](#)). Смотри, с каким благоразумием он объявляет грех его, и тем укрощает гнев (господина). Знаю, говорит, что он был негоден; «а теперь годен тебе и мне». Не сказал: ныне же будет благопотребен тебе, чтобы он не стал противоречить; но присоединил и свое лицо, чтобы надежды (на слугу) были достовернее. «А теперь годен тебе, – говорит, – и мне». Если он полезен Павлу, требующему такой великой ревности, то тем более – господину. «Я возвращаю его». И тем еще укрощает гнев, что отдает его. Господа особенно гневаятся тогда, когда ходатайство бывает за (рабов) отсутствующих, так что этим самым он еще более успокоил (Филимона).

«Ты же прими его, как мое сердце» ([Флм.1:12](#)). Опять не просто употребляет его имя, но с прибавлением убедительного выражения, которое нежнее слова – сын. Таким образом, назвал его сыном, сказав: «которого родил я», и внушил, что его надобно любить особенно, потому что он рожден среди искушений. Известно, что мы питаем особенную любовь к детям, рожденным среди опасностей, которых мы избежали, как

свидетельствует Писание, когда говорит: «Ихавод» ([1 Цар.4:21](#)), и когда Рахиль называет Вениамина – «сын болезни моей» ([Быт.35:18](#)). «Ты же прими его, как мое сердце». Этим он выражает великую любовь свою к нему. Не сказал: возьми, не сказал: не гневайся, но: «прими», т. е. он достоин не только прощения, но и чести. Почему? Потому, что он сделался сыном Павла. «Я хотел при себе удержать его, дабы он вместо тебя послужил мне в узах [за] благовестование» ([Флм.1:13](#)). Видишь, сколько он наперед употребляет доводов, чтобы потом внушить к нему уважение господина? Смотри, с какою мудростью он делает и это; смотри, как он обязывает одного и воздает честь другому. Ты видишь, говорит, что чрез него ты сам оказываешь мне услугу. Потом внушает, что он больше имел в виду его, нежели раба, – потому что оказывает ему великое уважение. «Но без твоего согласия, – говорит, – ничего не хотел сделать, чтобы доброе дело твое было не (как бы)² вынужденно, а добровольно» ([Флм.1:14](#)). Человек особенно тогда склоняется на просьбу, когда и самое дело полезно, и устрояется оно согласно с его волею; тогда именно бывают два блага: и дающий получает пользу, и принимающей находится в большей безопасности. Не сказал: было не вынужденно, но: «было не как бы вынужденно»; хотя я знал, говорит, что ты, если бы и не был уведомлен об этом деле, а получил об нем известие нечаянно, не стал бы сердиться, но (поступил так) по особенной предосторожности, «не (как бы) вынужденно, а добровольно. Ибо, может быть, он для того на время отлучился, чтобы тебе принять его навсегда, не как уже раба» ([Флм.1:15, 16](#)). Хорошо сказал: «может быть», чтобы господин оказал снисхождение; а с другой стороны сказал: «может быть» потому, что бегство было совершено по самоуправству и извращенному рассуждению, а не с добрым намерением. Не сказал: ради сего убежал, но: «для того отлучился», чтобы более приличным выражением скорее склонить (господина) к милости. Также не сказал: сам отлучился, но: «разлучися,» был разлучен, т. е. не своим умыслом отлучился по той или другой причине. Так и Иосиф, оправдывая братьев, сказал: «Бог послал меня перед вами» ([Быт.45:5](#)), т. е. злой умысел их обратил в хорошую сторону. «Для того, – говорит, – на время отлучился». Он и время сокращает и грех исповедует, и все приписывает устройению (Божию). «Чтобы тебе принять, – говорит, – его навсегда», – не только в настоящее время, но и будущее, чтобы тебе иметь его всегда, уже не как раба, но выше раба; оставаясь рабом, он будет предан тебе более брата, и таким образом ты сделаешь приобретение и по времени и по свойству (отношений его к тебе); он более уже не убежит.

«Чтобы тебе принять его навсегда», т. е. удержишь. «Не как уже раба, но выше раба, брата возлюбленного, особенно мне». Ты на короткое время лишился раба, и навсегда приобретаешь брата, не твоего только брата, но и моего. Здесь (указывает Павел) на великие добродетели (Онисима). Если же он мой брат, то не стыдись его и ты. Названием «сына» (апостол) выразил любовь к нему, а названием «брата» – великое благожелание и равенство.

3. Это написано не напрасно, но для того, чтобы мы – господа – не презирали своих слуг и не были слишком взыскательными к ним, чтобы научились прощать проступки слугам своим и не были всегда жестокими к ним, чтобы мы не стыдились рабов и имели общение с ними во всем, если они хороши. Если Павел не постыдился назвать раба сыном, утробойю своею, братом и возлюбленным, то как будем стыдиться мы? Но что я говорю: Павел? Владыка Павла не стыдится называть рабов наших братьями Своими, – как же будем стыдиться мы? Смотри, какую Он оказывает нам честь: наших рабов Он называет Своими братьями, друзьями и сонаследниками. Вот как Он уничижил Себя! Что же делать нам, чтобы вполне достигнуть этого? Никогда мы не можем (достигнуть этого) вполне, но до какой бы степени смирения мы ни дошли, большей части его будет еще недоставать нам. Смотри: что бы ты ни делал, ты делаешь для подобного тебе раба, а Владыка твой сделал это для твоих рабов. Слушай и страшись! Никогда не превозносись своим смирением! Может быть, вам кажутся смешными слова мои, что смирение превозносится; но не удивляйтесь: оно превозносится, когда бывает неискренним. Как и каким образом? Когда оно бывает для того, чтобы показаться пред людьми, а не пред Богом, когда оно имеет в виду свое прославление и тщеславие; и тогда оно – дело диавола. Как многие тщеславятся тем, что они нетщеславны, так превозносятся и смирением по высокомерию. Например, пришел к тебе какой-нибудь брат, или слуга; ты принял его, омыл ему ноги, и тотчас же гордишься этим: я, говоришь ты, сделал то, чего не сделал никто другой, я совершил подвиг смирения.

Каким же образом можно остаться смиренномудрым? Если будем помнить заповедь Христа, который говорит: «когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие» ([Лук.17:10](#)); также слова учителя вселенной, который говорит: «я не почитаю себя достигшим» ([Флп.3:13](#)). Кто убежден, что он не сделал ничего великого, что бы он ни сделал, кто не считает себя достигшим конца, тот только может быть смиренным. Многие от смирения впали в гордость, – да не будет этого с нами! Совершил ли ты какое-нибудь дело смирения? Не

превозносись, иначе погубишь все. Таков был фарисей: он стал превозноситься тем, что отдавал бедным десятину, и погубил все. Но не таков был мытарь. Послушай, что еще говорит Павел: «ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь» ([1 Кор.4:4](#)). Видишь ли, как он не превозносился, но всячески уничижал и смирял себя, и при том тогда, как достиг самой высоты добродетелей? И три отрока, будучи в огне, среди пламени, что говорили? «Ибо согрешили мы, и поступили беззаконно, отступив от Тебя, и во всем согрешили» ([Дан.3:29](#)). Это и значит иметь сердце сокрушенное. Поэтому они и могли сказать: «Но с сокрушенным сердцем и смиренным духом да будем приняты» ([Дан.3:39](#)). Так они были смиренны после ввержения в печь, даже более, нежели до ввержения. Когда они увидели совершившееся чудо, то, считая себя недостойными спасения, пришли в глубокое смирение, – потому что мы тогда особенно сокрушаемся духом, когда убеждаемся, что мы получили великие благодеяния не по заслугам. Между тем какие же они получили благодеяния не по заслугам? Они допустили ввергнуть себя в печь, были отведены в плен еще в своей молодости, тогда как согрешили другие, и не роптали, не досадовали и не говорили: какая нам польза от того, что мы служим Богу? Что приобрели мы, поклоняясь Ему? Человек нечестивый сделался нашим владыкою; с идолослужителями мы терпим мучение от идолослужителя; отведены в плен, лишены отечества, свободы и всего родного, стали пленниками и рабами и служим царю варвару! Ничего такого они не говорили, – но что? «Ибо согрешили мы, и поступили беззаконно» (говорили они) и возносили молитву не за себя, а за других: «И предал нас, – говорили они, – царю неправосудному и злейшему» ([Дан.3:32](#)). Также Даниил, будучи в другой раз брошен в ров, говорил: «вспомнил Ты обо мне, Боже» ([Дан.14:38](#)). Почему же (Бог) не помянул тебя, Даниил, когда ты прославил Его пред царем и говорил: «А мне тайна сия открыта не потому, чтобы я был мудрее всех живущих» ([Дан.2:30](#))? Почему Он не помянул тебя тогда, когда ты ввержен был в львиный ров за неповиновение нечестивейшему повелению? По той же самой причине. Не за Него ли ты ввержен и теперь? Так, говорит он; это потому, что великий я должник пред Ним. Если же так говорил он при столь великих добродетелях своих, то что скажем мы? Послушай еще, что говорит Давид: «А если Он скажет так: «нет Моего благоволения к тебе», то вот я; пусть творит со мною, что Ему благоугодно» ([2 Цар.15:26](#)), – хотя он мог указать на бесчисленные свои добродетели. Также Илий говорит: «Господь сам, еже благо пред ним, да сотворит» ([1 Цар.3:18](#)).

4. Признательным рабам надлежит не только в благодеяниях, но и в

наказаниях и в искушениях все предоставлять Ему. И не безрассудно ли думать, что Бог не пощадит рабов своих в наказаниях, тогда как мы позволяем господам наказывать рабов своих, зная, что они пощадят их, потому что они – их собственные? Это выражает и Павел, когда говорит: «живем ли; умираем ли, потому *всегда* Господни» ([Рим.14:8](#)). Он не захочет, чтобы уменьшалось богатство Его; Он знает, как наказывать; Он наказывает собственных рабов. Никто не щадит нас более, чем Он, приведший нас из небытия в бытие, повелевающий восходить солнцу, подающий дожди, вдохнувший душу и предавши за нас Сына Своего. Будем же, – о чем я сказал и для чего все это сказал, – будем смиренномудрствовать, как должно, будем уничижать себя, как должно, чтобы смирение не послужило нам поводом к гордости. Ты смирен и даже смиреннее всех людей? Не превозносись же этим и не порицай других, чтобы не погубить тебе похвалы своей. Ты для того и смиренномудрствуешь, чтобы избежать высокомерия; а если чрез это ты впадаешь в высокомерие, то лучше тебе и не быть смиренным. Послушай, что говорит Павел: «посредством доброго причиняет мне смерть, так что грех становится крайне грешен посредством заповеди» ([Рим.7:13](#)). Когда придет тебе на мысль удивляться своему смирению, то представь себе Владыку своего, как Он уничижил Себя, – и ты не станешь больше удивляться себе самому, не станешь хвалить себя самого, но посмеешься над собою, как не сделавшим ничего. Признавай себя всегдашним должником и, что бы ты ни сделал, приводи себе на память ту притчу: «Кто из вас, имея раба по возвращении его, скажет ему: пойдди, садись за стол? Напротив, не скажет ли ему: приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне» ([Лук.17:7, 8](#)). Благодарим ли мы рабов своих за то, что они служат нам? Никогда. Бог же воздает благодарностью нам, которые служим не Ему, но делаем полезное для нас. Впрочем, не будем поступать так из-за того, чтобы Он воздал нам благодарностью, чтобы Он узнал об этом, но как исполняющие долг свой. Подлинно, всякое (доброе) дело есть долг наш, и все, что мы ни делаем, есть исполнение долга. Если и мы, купив рабов за деньги, хотим, чтобы они жили всецело для нас, чтобы мы обладали всем, что имеют они, – то не гораздо ли более это следует Тому, Кто привел нас из небытия в бытие и потом искупил нас честною кровью? Он дал за нас цену, которой никто не дал бы за собственного ребенка, – пролил кровь Свою. Потому, если бы мы имели каждый по тысяче душ и пожертвовали бы всеми ими, то воздали ли бы Ему равное воздаяние? Нет. Почему? Потому, что Он сделал это для нас, не будучи обязан, но совершенно по милости Своей; а мы обязаны к тому. Он,

будучи Богом, сделался рабом, будучи непричастным смерти, сделался причастным ей по плоти; а мы, если и не положим за Него душ своих, то по закону природы непременно должны будем положить, – спустя немного времени поневоле расстанемся с жизнью. Так и с деньгами: если мы не отдадим их для Него, то по необходимости отдадим при смерти. Так и со смирением: если мы не будем смиренными для Него, то смирят нас скорби, несчастья, притеснения. Видишь ли, как велика благодарность Его? Он не сказал: что важного сделали мученики? если бы они не умерли за Меня, то и без этого непременно умерли бы; но воздает им великою благодарностью, так как они добровольно отдали то, что впоследствии должны были бы отдать невольно, по закону природы. Он не сказал: что важного делают раздающие свое имение? они непременно отдадут и поневоле; но воздает и им великою благодарностью и не стыдится исповедывать пред всеми, что Владыка питаем был рабами. Подлинно, и это – слава Владыки, чтобы иметь признательных рабов, и это – слава Владыки, чтобы так любить рабов Своих, и это – слава Владыки, чтобы принадлежащее им усвоить самому Себе, и это – слава Владыки, чтобы не стыдиться исповедывать это пред всеми. Устыдимся же такой любви Христовой, и сами воспламенимся любовью. Когда мы слышим, что кто-нибудь любит нас, то, хотя бы он был незнатен и беден, мы воспламеняемся особенною любовью к нему и оказываем ему великое почтение, любим его сами; а Владыка наш любит нас так много, – и мы остаемся нечувствительными? Нет, увещаю вас, не будем настолько беспечны к спасению наших душ, но возлюбим Его по мере сил своих, отдадим все из любви к Нему – и душу, и имущество и славу, и все прочее с радостью, с готовностью, с усердием, не считая этого полезным для Него, но для нас самих. Таков, действительно, закон любви: любящие считают счастьем для себя, когда страдают за любимых. Будем и мы так же преданы Владыке нашему, чтобы нам достигнуть и будущих благ, во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 3

Флм. 1:17–19. Итак, если ты имеешь общение со мною, то прими его, как меня. Если же он чем обидел тебя, или должен, считай это на мне. Я, Павел, написал моею рукою: я заплачу; не говорю тебе о том, что ты и самим собою мне должен.

Молитва бывает великим благом тогда, когда мы совершаем дела, достойные ее. – Если Бог требует отчета и наказывает, то это не значит, что Он не есть благ.

1. Ничто так не убеждает (к исполнению просьбы), как то, чтобы не просить всего вдруг. Потому, смотри, после каких похвал, после какого приготовления, (апостол) высказал эту великую просьбу. Назвав (Онисима) сыном своим, участником благовествования, утробною, сказав: ты приобретаешь в нем брата, прими его, как брата, – он потом прибавляет: «как меня». Павел не постыдился сказать это. Если он не стыдился называться рабом верных, но даже сам признавал себя таким, то тем более он не мог чуждаться этого. А смысл слов его следующий: если ты мыслишь одинаково со мною, если ты стремишься к одинаковой цели, если считаешь (Меня) другом, «то прими его как меня. Если же он чем обидел тебя». Смотри, как и когда упомянул он о проступке: на конце, после того как многое сказал о нем. Так как потеря имущества обыкновенно раздражает людей больше всего, то, чтобы (Филимон) не стал жаловаться на это, – а оно, вероятно, было у него похищено, – (апостол) упоминает теперь об этом и говорит: «Если же он чем обидел тебя». Не сказал: если украд что-нибудь, – а как? «Если же он чем обидел». Здесь он и признал проступок, и вместе представил его проступком не раба, но как бы друга в отношении к другу, выразив его названием, означающим более несправедливость, нежели воровство. «Считай это, – говорит, – на мне», т. е., считай этот долг за мною; я заплачу.

Далее, с душевным радушием (говорит): «Я, Павел, написал моею рукою», – и радушно, и вместе обличительно, если бы тот отказался принять его, тогда как Павел не отказался даже написать о нем письмо. Этим весьма сильно и его тронул, и вместе избавил Онисима от опасения. «Моею рукою, – говорит, – я написал». Нет ничего пламеннее, ничего ревностнее, ничего деятельнее этой души. Об одном человеке, смотри, как он заботится. «Не говорю тебе о том, что ты и самим собою мне должен». Чтобы не показалось обидным для того, у кого просят, если бы (Павел) не

решился просить за вора и не надеялся получить просимое, – он предусматривает и это: «Не говорю тебе, – говорит, – что ты и самим собою мне должен», т. е. должен не только своею собственностью, но и самим собою. И это (сказал он) по любви, по дружбе и великому дерзновению. Смотри, как он везде заботится о том и другом, – и о том, чтобы просить с полною уверенностью, и о том, чтобы не показаться слишком дерзновенным.

«Так, брат» ([Флм.1:20](#)). Что значить: «Так, брат»? Т. е., прими его. Это нужно подразумевать здесь. Оставив задушевность, он опять обращается к прежнему, к делу, хотя и предыдущее также относилось к делу, – у святых бывает деловитым и то, чем они выражают свои душевные чувствования. «Так, брат, дай мне воспользоваться от тебя в Господе; успокой мое сердце в Господе», т. е. окажи милость Господу, а не мне. «Сердце» т. е. (любовь мою) к тебе. «Надеясь на послушание твое, я написал к тебе» ([Флм.1:21](#)). Какой камень не смягчился бы от этих (слов)? Какой зверь не укротился бы от них и не оказал бы готовности к точному принятию (прощения)? Приписав ему такие добродетели, (апостол) не перестает еще оправдывать себя; и оправдывается не просто, не повелевая и не требуя со властью, но: «Надеясь, – говорит, – на послушание твое». Как в начале послания он сказал: «дерзновение имея» ([Флм.1:8](#)), так и здесь говорит то же, запечатлевая послание. «Зная, что ты сделаешь и более, нежели говорю». Этими словами он сильно побуждает (Филимона), потому что хотя бы он и не сделал ничего другого, но, по крайней мере, устыдился бы не сделать просимого, заслужив (пред Павлом) такое о себе мнение, что он может сделать и более, нежели сказано. «А вместе приготовь для меня и помещение; ибо надеюсь, что по молитвам вашим я буду дарован вам» ([Флм.1:22](#)). И это сказано с великою надеждою, или лучше, и это в пользу Онисима, чтобы те не были беспечными, но, зная, что (Павел) придет и узнает все касательно его, отложили всякое злопамятство и скорее оказали ему милость. Великое ведь было благоговение и почтение к Павлу присутствующему, Павлу старцу, Павлу, претерпевшему узы. С другой стороны, эти слова свидетельствуют о любви их к нему, если он говорит, что они молятся за него, и сам предоставляет им такую честь, чтобы молиться за него: хотя, говорит, я теперь и в опасности, но вы увидите меня, если станете молиться.

«Приветствует тебя Епафрас, узник вместе со мною ради Христа Иисуса» ([Флм.1:23](#)). Он был прислан колоссянами ([Кол.1:7, 4:12](#)), так что отсюда видно, что Филимон жил в Колоссах. Павел называет его «узником вместе со мной», выражая, что и он был в великой скорби. Таким образом,

если не для самого (апостола), то для этого мужа (просьба) должна быть услышала, – тот, кто находится в скорби и, оставив свои дела, заботится о других, должен быть услышан. С другой стороны (апостол) здесь укоряет (Филимона) на случай, если бы он не оказал милости собственному своему рабу, тогда как согражданин его сделался «узником вместе со мной» (Павла) и вместе с ним терпит страдания. И еще прибавляет: «узник вместе со мною ради Христа Иисуса, т. е. за Христа. Марк, Аристарх, Димас, Лука, сотрудники мои» (Флм.1:24). Почему Луку он ставит последним, между тем как в другом месте говорит: «Только Лука один со мною», а Димас, говорит, был один из тех, которые оставили его и возлюбили нынешний век (2 Тим.4:10)? Об этом, правда, уже сказано было в другом месте, но и здесь не следует ни оставлять без исследования, ни слушать просто и без разбора. Почему же он говорит, что приветствует их оставивший его? «Ераст, – как говорит он, – остался в Коринфе» (2 Тим.4:20). Епафраса приводит он, как известного им и происходившего оттуда, – Марка, как дивного мужа; а почему он причисляет к ним Димаса? Может быть, этот пал духом уже впоследствии, когда увидел многие опасности. А Лука, бывший последним, сделался первым. (Апостол) приветствует (Филимона) и от лица их, чтобы скорее склонить его к послушанию, и называет их споспешниками своими, чтобы таким образом сильнее убедить его к исполнению просьбы. «Господь Иисус Христос со духом твоим. Благодать с вами. Аминь» (Флм.1:25).

2. Он заключил послание молитвою. Молитва есть великое и спасительное благо и ограждение душ наших; но она, бывает великим благом тогда, когда мы совершаем достойное ее, и когда не делаем самих себя недостойными ее. Поэтому, когда ты придешь к священнику и он скажет тебе: да помилует тебя Бог, чадо, – ты не полагайся только на слова, но приложи и дела, совершай то, что достойно милости. Бог благословит тебя, чадо, если ты будешь поступать достойно благословения, благословить, если ты будешь милостив к ближнему, – потому что чего мы хотим получить от Бога, то должны прежде дать ближним; а если мы лишаем этого ближних, то как хотим получить тоже от Бога? «Блаженны, – говорит Он, – милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф.5:7). Ведь если и люди милуют таких, то тем более – Бог, а немилосердых не помилует: «Ибо суд без милости не оказавшему милости» (Иак. 2:13). Милосердие есть доброе дело: почему же ты не оказываешь его другому? Ты хочешь получить прощение в грехах: почему же сам не прощаешь согрешившему? Ты приступаешь к Богу, испрашивая царствия небесного, а сам не подаешь серебра просящему! Потому мы и не получаем милости,

что сами не милуем. Как же, скажешь, и это разве не дело милосердия, чтобы миловать немилующих? Но будет ли милосердным тот, кто стал бы миловать человека жестокого, свирепого и причиняющего бесчисленное множество зол ближнему? Как же, скажешь, купель (крещения) разве не спасла нас, соделавших бесчисленное множество зол? Но она избавила нас от них не для того, чтобы мы снова делали их, а для того, чтобы не делали.

«Мы умерли для греха;», – говорит апостол, – как же нам жить в нем? Что же? станем ли грешить, потому что мы не под законом, а под благодатью? Никак» ([Рим.6:15](#)). Для того она и избавила тебя от них, чтобы ты уже не возвращался к такому бесчестию. Так и врачи больных горячкою исцеляют от болезни не для того, чтобы они, злоупотребляя здоровьем, вновь заболели и получали расстройство, – лучше ведь оставаться больным, нежели искать исцеления для того, чтобы опять повергнуть себя на одр болезни, – но для того, чтобы они, узнав страдания болезни, не впадали в то же самое, тщательнее берегли свое здоровье и делали все, служащее к его сохранению. Где же, скажешь, человеколюбие Божие, если Он не хочет спасать злых? Часто и от многих я слышу, что (Бог) человеколюбив и непременно спасет всех. Не станем обольщать себя напрасно. Я вспомнил одно обещание (данное вам некогда), – займемся теперь этим предметом.

Прежде я беседовал с вами о геенне и отложил речь о человеколюбии Божиим; сегодня хорошо – исполнить это обещание. То, что будет геенна, кажется, мы достаточно доказали, представив потоп и другие прежние бедствия и сказав, что совершивший все это не может оставить ненаказанными и нынешних (грешников). Если Он так наказал тех, которые грешили прежде закона, то, конечно, не оставит без наказания тех, которые при благодати совершали гораздо большие преступления. Итак, предложен был вопрос: как же (Бог) благ, как человеколюбив, если Он наказывает? Мы отложили речь об этом, чтобы не обременить вашего внимания множеством (предметов). Вот, теперь отдадим этот долг и покажем, как Бог и наказывая остается благим. Эти слова могут быть у нас направлены и против еретиков, – потому слушайте внимательно. Бог создал нас, не имея в нас никакой нужды. А что Он не имел в нас никакой нужды, видно из того, что Он создал нас впоследствии (не от вечности). Если бы Он имел в нас нужду, то создал бы прежде. Если же Он существовал и без нас, а мы произошли в последующее время, то Он сотворил нас, не имея в нас нужды. Он сотворил небо, землю, море и все существующее для нас. Не есть ли это, скажи мне, дело Его благости? Много можно было бы сказать об этом, но для краткости скажем, что Он

«повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» ([Мф.5:45](#)). Ужели это не дело благодости? Нет, скажешь. Так некогда спросил я одного маркионита: ужели это не дело благодости? Он отвечал мне: если бы Бог не требовал отчета за грехи, то это было бы делом благодости; а так как Он требует отчета, то – не дело благодости. Его уже нет теперь, но мы повторим сказанное тогда, и даже скажем больше того. Я решительно доказываю, что, если бы Бог не требовал отчета, то Он не был бы благ; а так как Он требует отчета, то – благ. В самом деле, скажи мне, если бы Он не требовал от нас отчета, то могла ли бы продолжаться жизнь человеческая? Не обратились ли бы мы в диких зверей? Если и теперь, когда тяготеет над нами страх суда и наказания, мы превзошли рыб, пожирая друг друга, взяли перевес над львами и волками, грабя друг друга, то какого смятения и расстройства не исполнилась бы жизнь наша, если бы Он не требовал от нас отчета и мы были бы убеждены в этом? Что был бы баснословный лабиринт в сравнении с беспорядками в нашем мире? Не увидел ли бы ты бесчисленного множества бесчинств и неурядиц? Кто стал бы, наконец, уважать отца? Кто не оскорблял бы матери? Кто не был бы предан всяким удовольствиям и всяким порокам? А что это так, я постараюсь убедить тебя, представив в пример один только дом. Каким образом? Вот каким: если бы у кого-нибудь из вас, спрашивающих об этом, были рабы, и я объявил бы им, что, сколько бы они ни противились власти господ, хотя бы наносили им оскорбления действием, хотя бы расхитили все их имущество, хотя бы все поставили вверх дном, и обращались с ними, как враги, (господа) не будут угрожать им, не будут наказывать, не будут мучить и даже не огорчать их неприятным словом, – то, как вы думаете, было ли бы это делом благодости? Я, напротив, полагаю, что было бы делом крайней жестокости – предавать на поругание не только жену и детей таким неуместным снисхождением, но еще прежде того допускать до гибели самих виновных. Они ведь сделаются и пьяницами, и развратниками, и бесстыдными, и наглыми, и бессмысленнейшими всех зверей. Это ли, скажи мне, дело благодости, чтобы попираť благородство души и губить их и друг друга? Видишь ли, что самое требование отчета есть дело великой благодости? Но что я говорю о слугах, которые слишком склонны к этим порокам? Если бы кто, имея сыновей, позволил им делать все и не наказывал их, то, скажи мне, кого они не сделали бы хуже? Итак, если между людьми наказание есть дело благодости, а безнаказанность – жестокости, то ужели не так у Бога? Следовательно, потому Он и уготовал геенну, что Он – благ. Хотите ли, я покажу вам

благость Божию и с другой стороны? Кроме всего сказанного, (страх наказания) не позволяет и добрым сделаться злыми. Если бы все ожидали одного и того же, то все сделали бы злыми; а теперь добрые и в этом находят немалое утешение.

Послушай, что говорит пророк: «Возрадуется праведник, когда увидит отмщение; омоет стопы свои в крови нечестивого» ([Псал.57:11](#)); не радуясь этому, нет, но, страшась, чтобы самому не потерпеть того же, он будет заботиться о большей чистоте своей жизни. Таким образом, это (требование отчета) есть дело великого попечения. Так, скажешь; но следовало бы только угрожать, а не наказывать. Нет, если и тогда, когда Он полагает наказание, ты говоришь, что это одна угроза, и потому становишься более беспечным, то до какой не дошел бы ты беспечности, если бы это действительно было только угрозой? Если бы ниневитяне знали, что назначенное им наказание было одною угрозой, то не раскаялись бы; но так как они раскаялись, то угроза и осталась только на словах. Хочешь ли и ты, чтобы (назначенные грешникам наказания) были только угрозой? Это зависит от тебя самого; исправься, и они останутся только угрозой. Если же ты станешь презирать угрозу, – чего да не будет! – то испытываешь ее на деле. Жившие пред потопом, если бы побоялись угрозы, то не испытали бы ее на самом деле. Так и мы, если станем бояться угрозы, то не испытаем ее на деле. Да не будет этого с нами, но да подаст человеколюбивый Бог всем нам вразумиться этим и достигнуть неизреченных благ, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Примечания

1

Беседы эти произнесены святителем в Антиохии между 393 и 397 годами.

Такой перевод был бы точнее («как бы» – ως). – и.Н.